

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА: ОТ ИДЕАЛА К НОВЫМ ПРАКТИЧЕСКИМ ФОРМАМ

© 2019 г.

Ю.М. Резник

Резник Юрий Михайлович, д.филос.н.; проф.; главный научный сотрудник
Института философии РАН, Москва
reznik-um@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 29.01.2019**Статья принята к публикации 16.04.2019*

Социальное государство возникает как инструмент сглаживания классовых противоречий капитализма, а в современных условиях продолжает выступать как форма его политической самокоррекции. Сформулированные еще Л. Штейном идеи, принципы и функции такого государства оказались актуальными и сегодня. В основе его деятельности лежит защита интересов большинства, обеспечение их социальных прав путем перераспределения собственности и доходов в пользу малоимущих слоев населения. Пытаясь разрешить острейшие классовые противоречия, социальное государство проходит в своём развитии несколько стадий: от минималистской модели к государству всеобщего благоденствия и далее – к поиску новых моделей. На этот путь уже стали государства Западной Европы, которые во имя укрепления собственной безопасности существенно расширили спектр социальных услуг, реализуя помимо ограничительной и гарантирующей функций еще и рефлексивную функцию. Однако гуманистический потенциал такого государства (создание условий для развития человека и его достойной жизни) пока не реализован в полной мере, о чем свидетельствуют процессы его становления в современной России. Опыт показывает, что такое государство, будучи классовым компромиссом, успешно развивается лишь при опоре на институты гражданского общества, которые вовлекают людей в различные формы самоорганизации. Кроме того, перед российской государственностью стоит еще одна комплексная задача – введение прямого действия соответствующего конституционного принципа, развитие социальной демократии и стимулирование крупного бизнеса к более масштабному участию в программах социальной поддержки населения.

Таким образом, между идеалом социального государства (свободное развитие человека) и реальностью его воплощения (обеспечение прожиточного минимума) оказалась значительная дистанция, преодолеть которую не всегда удается посредством социальных реформ. Поэтому современное социальное государство переживает острейший кризис. Нужны более радикальные шаги в переустройстве общества и преодолении социально-экономического неравенства различных групп. В этих условиях глобальный капитализм оказался перед историческим выбором: продолжить своё «победное» шествие по планете, усиливая репрессивную направленность своих институтов и порождая цепь разрушительных последствий, или же, не ограничиваясь самокоррекцией, стать на путь фундаментальной перестройки основ своего существования. А это чревато в свою очередь сменой общественной формации и поворотом в сторону общества всеобщего благоденствия или реального гуманизма.

Ключевые слова: капитализм, социальное государство, идея, идеал, принцип, функции, практика, социальная проблема, социальные реформы, реальный гуманизм, государство всеобщего благоденствия, гуманистическое государство.

Возникновение идеи. Идея социального государства принадлежит немецкому мыслителю Лоренцу фон Штейну (1815–1890). Он предложил расширить полномочия государства и возложить на него функции преодоления социального неравенства и предоставления равных исходных позиций («равных шансов») всем людям. Государство должно работать на восстановление социальной справедливости и защиту интересов членов общества. Управление есть

«работающее государство» и его деятельный орган. «Смысл управления остаётся неизменным: бытие отдельных индивидов в обществе должно способствовать тому, чтобы, вопреки противоположности интересов и борьбе, личность каждого могла бы свободно развиваться» [1, с. 70]. Для этой цели необходимо осуществлять социальные реформы, минимизирующие ущерб, причиняемый человеку борьбой интересов в обществе. Государство базируется на службе

всему обществу в отличие от классов как объединений частных или групповых интересов.

По сути, Штейн попытался создать альтернативный капитализму проект, предложив устранить классовые противоречия средствами государства (государственный социализм) [2, с. 70]. Правда, в отличие от Маркса, он не призывает лишить буржуазию её капитала руками пролетариата. Он пытается поставить государство на службу рабочему классу, ориентируясь главным образом на модель государственного социализма. Но это потребует более радикальных изменений, так как путем социальных реформ вряд ли можно полностью устранить эксплуатацию рабочего класса. Можно лишь улучшить его участь на какое-то время и помочь в первую очередь тем, кто больше всех нуждается.

Конечно, по тем временам это была социальная утопия. Как преодолеть зависимость немощных классов и сделать их независимыми и материально свободными? Существует только один путь к решению социального вопроса, не меняющий радикально природу буржуазного строя, – перераспределение средств в пользу малоимущих. Богатые должны делиться своими состояниями с бедными. А это уже межклассовое движение, которое не устраняет систему неравенства в принципе, а делает богатство достижимым для каждого человека. Только так можно добиться социального мира, – считает Штейн.

Сущность социального государства Штейна состоит в следующем: оно *«обязано поддерживать абсолютное равенство в правах для всех различных общественных классов, для отдельной самоопределяющейся личности благодаря своей власти. Оно обязано способствовать экономическому и общественному прогрессу всех своих граждан, ибо, в конечном счете, развитие одного выступает условием развития другого, и именно в этом смысле говорится о социальном государстве»* [3].

Социальное государство: идеал, принцип и практика реализации. Необходимо различать далее социальное государство как идею (или идеал), принцип построения государства и практическую реализацию этого принципа (конкретные цель, функции, задачи и пути их осуществления), на чём настаивают П.К. Гончаров и Н.И. Лапин (при незначительных отличиях в их интерпретациях) [4; 5, с. 6].

Идеалом такого государства выступает саморазвитие человека как свободной личности. Другими словами, это государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное

развитие человека. Здесь я присоединяюсь к тем авторам, которые считают, что социальное государство в ходе эволюции становится практикой реального гуманизма: «развитие одного как условие развитие другого» (Л. фон Штейн); «свободное саморазвитие человека, его культуры и гражданского общества», «гуманистическая траектория саморазвития» (Н.И. Лапин) [5, с. 9]. Но так было не всегда. На начальной стадии своего развития «принятие государством на себя социальных обязательств перед гражданином означает не акт гуманизма, альтруизма и человеколюбия, а жизненную необходимость, реализацию воли государства к самосохранению» [6]. В целом же «социальное государство нельзя не считать практическим проявлением многовекового гуманистического поиска европейской цивилизации» [7, с. 35]. Переосмысливая гуманизм после трагических событий Второй мировой войны, её лучшие представители писали о его экзистенциальных корнях («глубоко личное переживание человеком своей экзистенции») и пронизанности «заботой о бытии»¹.

Принципы построения социального государства могут быть заложены в основополагающих документах той или иной страны (конституции, политических программах или стратегиях развития и пр.). А вот основной целью социального государства является, по Штейну, сохранение политической стабильности посредством установления баланса между различными группами интересов. Его функции он видел в следующем: забота о каждом человеке, устранение любых препятствий к межклассовому движению, попечение нуждающихся в самом необходимом, содействие труду, не обладающему капиталом [2, с. 72]. Именно этим и должно, по мнению Штейна, заниматься на практике такое государство.

Кстати, в современном социальном государстве идеи Штейна не утратили своего значения. Это соответствует и сегодняшнему пониманию его основных функций: *ограничительная* функция, реализуемая в отношении господствующих классов (антимонопольная деятельность, регламентация отношений между работодателями и наемными работниками и пр.); *обеспечительная* функция (поддержка социально незащищенных слоев населения (безработных, пенсионеров, инвалидов), социальное страхование и обеспечение); *гарантирующая* функция (гарантирование государством системы социальных прав гражданина, в т.ч. жизненного минимума, доступ к образованию, обязательной медицинской помощи и т.д.). Очевидно, что уже сегодня, а не только в перспективе развития такого государства должна присутствовать и *развивающая* функция (создание условий для саморазвития и самореализации человека).

Ю. Хабермас обратил внимание еще на одну функцию социального государства – *рефлексивную*. «Стать рефлексивным для государства означает, однако, и то, что извлекаются уроки из опыта обращения с таким средством, как власть, которую политики социального государства должны использовать для своего вмешательства в общественные субстраты» [8, с. 96].

Итак, программа социального государства Л. Штейна в её прагматическом смысле не искореняет причины социального неравенства и не устраняет бедность или другие пороки современного капитализма. Его задача состояла в другом: вовлечь потенциал государства в создание минимальных условий жизни для особо нуждающихся ради предотвращения классового конфликта и сохранения самого государства. Следовательно, свободное развитие и относительное благополучие человека (как идеал) является условием безопасности государства и всего капиталистического строя. Эта та плата, которую последний должен был заплатить, чтобы не уйти с исторической арены.

Вместе с тем Штейн предвидел новые формы социального государства, когда самоопределяющаяся личность станет исходным пунктом его политики. И ему совсем был не чужд гуманистический пафос, который в последующие десятилетия поддержали другие европейские мыслители. Немецкому социологу удалось соединить в своём проекте социального государства функциональность и человечность, которые присущи в целом новоевропейской культуре [3].

Трансформация социального государства. И всё же, несмотря на свой классовый характер и прагматический смысл, социальное государство стало в наши дни реальной альтернативой либеральному государству, которое породило цепь кризисных явлений и фактически поставило капитализм на грань самоуничтожения. Именно в нём его сторонники увидели выход из затянувшегося кризиса капитализма. Об этом пишет Е.А. Лукашева: «Социальное государство пришло вслед за правовым, потому что последнее в его классическом либеральном (формальном) варианте опиралось прежде всего на принципы индивидуальной свободы, формального юридического равенства и невмешательства государства в дела гражданского общества. А это привело к глубокому фактическому неравенству, кризисным состояниям в экономике и классовой борьбе. Все это потребовало от государства перехода в новое качественное состояние и выполнения им новых функций» [9, с. 79].

Конечно, качество современного социального государства изменилось, но его буржуазная

классовая суть осталась во многом прежней. На это обращают внимание представители неомарксизма, полагая, что такое государство – лишь первый шаг на пути эмансипации угнетенных слоев общества. Ю. Хабермас, испытавший когда-то влияние неомарксизма, так описывает ситуацию: «Программа “социального государства”, которую удалось провести после второй мировой войны в обществах нашего типа, – относительный успех. Она означает, с одной стороны, ощутимую компенсацию за риск и тяготы, связанные с трудом, с другой – некоторое дисциплинирование и в то же время защиту капиталистического роста. Конечно, врожденный порок естественной судьбы, обусловленный капиталистическим рынком труда, пока не устранен, а лишь косметически подправлен. Но в настоящий момент дело обстоит так, что социалистически ориентированные левые силы на Западе не могут добиться дальнейшего прогресса, даже закрепить достигнутое...» [8, с. 92].

Следовательно, даже Хабермас, которого трудно заподозрить в симпатиях к реальному социализму, признает, что введение программы социального государства явилось не чем иным, как попыткой защитить капитализм или его косметической самокоррекцией. Рассматривать же социальное государство как стадию развития правового государства, как это делают некоторые исследователи (Л.Н. Кочеткова, Е.А. Лукашева), можно лишь при условии, что решен основной вопрос – о природе общественной системы, частью которой выступают эти институты.

Развитие социального государства сопровождается тремя историческими стадиями, которым соответствуют определенные модели: становление – конец XIX – 30–40-е гг. XX в. (минималистская модель), развитие – вторая половина XX в. (государство всеобщего благоденствия), кризис и начало перехода к новой модели – конец XX в. – начало XXI в. (государство личностного благоденствия или гуманистическое государство).

1. Деятельность классического или минималистского социального государства направлена на улучшение условий жизни людей, находящихся за чертой бедности. Как известно, оно начало складываться в конце XIX века (в первую очередь в Германии и Великобритании) и было призвано не допустить обострения классовой борьбы, снизить рост рабочего движения и со своими задачами в целом справилось. На это указывают и другие исследователи [7, с. 34]. Окончательная же институционализация социального государства состоялась лишь в середине XX века, хотя государственные программы социальной защиты были приняты значительно

раньше: США – 1935 г., Канада – 1940 г., Великобритания – 1942 г. В качестве иллюстрации официального признания такого государства можно привести факт провозглашения в Конституции ФРГ «демократического и социального федеративного государства» (1949 г.). Позже последовали изменения в конституциях других стран Западной Европы (Франция – 1958 г., Швейцария – 1972 г., Греция – 1973 г., Швеция – 1974 г., Испания – 1978 г.) [7].

2. В некоторых западных странах сложилась модель *государства всеобщего благоденствия*. Её авторы – Уильям Беверидж (Великобритания), Дж. Кейнс (США) и другие теоретики позднего капитализма. Основной целью новой модели стало создание системы социального партнерства и установление более тесных связей с институтами гражданского общества (трудовыми и профессиональными союзами и пр.). Функции такого государства существенно расширяются. Ему вменяется в обязанности стимулирование фундаментальной науки и поддержка ученых, помощь институтам семьи, материнства, отцовства, детства, финансовая поддержка образовательных и культурных программ, прогрессивное налогообложение, расширение спектра социальных услуг и пр. Появляются новые формы социального страхования, пенсионного обеспечения и медицинского обслуживания.

Вторая половина XX века ознаменовалась ростом влияния социал-демократов в большинстве западноевропейских стран и появлением новых форм хозяйствования (социальная рыночная экономика), ставших предпосылками развития социального государства. Успешно развивается шведская модель, концептуальные основы которой были сформированы и практически реализованы У. Пальме в 1970-х гг. Её суть наиболее четко выразил один из лидеров шведских социал-демократов Э. Вигфорес: «изменить экономическую организацию буржуазного общества таким образом, чтобы право принятия решения на производстве находилось в руках всего народа, чтобы большинство освободилось от власти меньшинства, владеющего капиталом, и на основе нового типа экономики создало общество, основанное на сотрудничестве граждан на принципах свободы и равноправия» (см.: [10, с. 35]).

3. В конце прошлого века социальное государство вступает в фазу глубочайшего кризиса. Возможно, это каким-то образом связано с распадом Советского Союза и всей системы мирового социализма. Станет ли этот кризис провозвестником перехода к новой модели государства – государству личностного благоденствия – покажет время.

Эволюция представлений о социальном государстве показывает, что оно явилось результатом межклассового компромисса и во второй половине XX века развивалось во многом под воздействием социальных перемен, произошедших в СССР и других странах социалистического лагеря. В нынешних же условиях, когда социализм как мировая система канул в прошлое, а капитализм вступил в новую (глобальную) фазу своего существования, требуется пересмотр и самой доктрины социального государства. Она уже не соответствует тем изменениям, которые произошли в отношениях между системным и жизненным мирами современного социума.

Таким образом, в зависимости от уровня сложности социальных проблем формируется та или иная модель социального государства и его политики:

– порожденные проблемы (неравенство, бедность, голод и пр.) – *минималистское социальное государство* и соответствующая ему реактивная политика, призванная потушить социальный пожар и обеспечить минимальный уровень жизни (прожиточный минимум);

– порождающие или причиняющие проблемы – *государство всеобщего благоденствия* и связанная с ним превентивная (предупредительная или упреждающая) политика, основанная на стратегии опережающего решения проблем и выстраивании партнерских отношений с организациями гражданского общества;

– конструктивные проблемы – *государство личностного благоденствия* (или государство реального гуманизма) и сопряженная с ним социально-гуманитарная политика, при которой большинство причиняющих проблем снимается еще до момента их обострения, а основное внимание уделяется решению проблем-средств, т.е. преодолению препятствий на пути создания благоприятных условий для саморазвития человека как свободной личности, для проявления его лучших качеств.

К определению понятия «социальное государство». Следует отметить, что современные интерпретации, встречающиеся в отечественной литературе, не всегда включают необходимые и достаточные признаки. Причем в одних случаях социальное государство рассматривается в чрезмерно узком или, напротив, широком контексте: государство, управляющее экономикой в интересах большинства населения, государство всеобщей справедливости, государство, которое провозглашает высшей ценностью человека и создает условия для обеспечения достойной жизни, свободного развития и самореализации творческого потенциала личности.

В других случаях термин «социальное государство» определяется через другое явление, более узкое или иное по смыслу, например через «сильную социальную политику», «сглаживание социальных противоречий», «активное влияние на социальную сферу жизнедеятельности общества» (П.К. Гончаров), «социально ориентированные ценности» (В.К. Левашов), «социальное рыночное хозяйство» (Н.И. Лапин), «социальную справедливость и социальную защищенность» (М.В. Баглай) [11], социальную безопасность (Е.А. Лукашева). Следовательно, содержание понятия «социальное государство» раскрывается зачастую при помощи признаков, характеризующихся, в свою очередь, термином «социальный».

Еще один недостаток имеющихся определений состоит в том, что они не раскрывают классовую сущность социального государства при всех его несомненных позитивных сторонах. По-прежнему подчеркивается, что «социальную ориентацию должна приобрести вся экономическая политика правительства и при этом не перечеркивать конкуренцию и экономическую свободу, поощрять индивидуальную инициативу, сохранять и даже усиливать стимул к росту личного благосостояния. Это государство должно бороться не против богатства, а против нищеты...» [11, с. 136–137]. И всё же бороться нужно с причинами нищеты, которые коренятся во многом в неравномерном распределении богатства. Но эти проблемы должно решать уже не социальное государство, порождённое капитализмом в целях его самосохранения, а другое государственное образование, соответствующее новому типу общественных отношений (например, социалистическое или социал-демократическое государство).

Трудно, конечно, дать полное и исчерпывающее определение такого сложного феномена, но можно попробовать выразить его общий смысл. В моём понимании, *социальное государство – это государство капиталистического типа, которое наряду с правовым государством возникает как инструмент сглаживания противоречий между правящими классами и классом рабочих (и в целом немущих), прежде всего в сфере труда и занятости, и в дальнейшем берет на себя функции защиты интересов большинства и, опираясь на право каждого человека на достойную жизнь и принцип справедливого распределения доходов, развивается в направлении самоорганизации людей в рамках гражданского общества для решения проблем саморазвития человека как свободной и творческой личности.*

В качестве существенных, эмпирически измеряемых признаков современного социального

государства исследователи называют реальное осуществление прав и свобод человека посредством обеспечения социальных стандартов благополучия не ниже средних, значительную долю (более 30%) налогов в национальном доходе, направляемых на повышение социального качества жизни, доверие населения институтам власти (Н.И. Лапин).

Итак, социальное государство появилось в результате компромисса между классами и их политическими партиями, вобрав в себя некоторые лучшие черты двух исторически существующих общественных систем (капитализма и социализма). От капитализма оно восприняло идею «организации на началах свободы», принципы «социальной рыночной экономики» и гражданской ответственности. А от реального социализма – идею планирования и коллективного участия, обеспечение социального минимума (полная трудовая занятость и восьмичасовой рабочий день, единая пенсионная система, минимальные зарплаты, социальная помощь малоимущим).

В любом случае социальное государство как политический феномен и программа деятельности не выходит за пределы капиталистического строя, выступая в лучшем случае его самокоррекцией или усовершенствованной версией. Истоки многих социальных проблем не выявляются, а загоняются вглубь (например, камерализм как политика изоляции бедности и маскировки нищеты). Будучи по своей сути институционализированным классовым (или точнее – межклассовым) компромиссом и «эквивалентом социогосударственной самокоррекции капитализма» (Ю. Хабермас), оно проходит в своей эволюции разные стадии, зависящие от конкретной модели капиталистической системы и условий её развития.

Социальное государство в России: возможности и перспективы становления. Что же касается Российской Федерации, то сегодня её следует считать минималистским социальным государством по форме (конституционный принцип) и несоциальным (и даже в ряде случаев антисоциальным) по сути. И причин этого я вижу несколько.

Во-первых, социальное государство в России ещё не сформировано в полной мере и остаётся во многом конституционным проектом (или принципом), соответствующим минималистской модели. Так, в статье 7 Конституции РФ (1993 г.) заявлено, что политика государства «направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». В числе функций государства перечислены охрана труда и здоровья людей, гаран-

тированный минимальный размер оплаты труда, государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развитие системы социальных служб, государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты. Эти конституционные положения можно рассматривать как требования к высшим органам власти реализовать их в ближайшей перспективе. Однако на практике они остались во многом декларативными и не получили развития.

Во-вторых, реальная социальная политика российского государства пока далека от исполнения им конституционных обязательств. До сих пор отсутствует долгосрочная социальная политика, удовлетворяющая запросы социума в целом, что делает её по сути антисоциальной [4]. Об этом свидетельствует и отсутствие в действующей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (2015) термина «социальное государство», на что обращает внимание Н.И. Лапин [5, с. 7]. Нет в числе стратегических национальных приоритетов и такой важнейшей задачи, как построение социального государства. Считается, что коль оно провозглашено в Конституции РФ, то это уже имеет правовую базу.

К сожалению, Основной закон РФ, закрепив победу определенных сил в обществе, не стал действенным документом. Вынужден согласиться с тем, что в России, «учитывая чудовищную дифференциацию по доходам, основной вектор социальной политики российского государства, ориентированный на перекачку средств «снизу вверх», не позволяет эффективно поддерживать по-настоящему бедствующих» [5].

В последние годы полным ходом идёт наступление государства на социальные права российских граждан. Их пространство постепенно сужается под действием новых законодательных инициатив парламента (рост налогов, реформы медицинских учреждений, повышение пенсионного возраста, снижение уровня обязательных выплат и компенсаций и т.д.). Примечательно, что такая политика расходится также с идеей «умеренного государства», которое предлагали в своё время либералы. Государство становится всё более авторитарным, растёт контрольно-бюрократический аппарат, а вместе с ним увеличиваются коррупция и другие злоупотребления властью как в центре, так и на местах.

В-третьих, российский бизнес никак не способствовал складыванию института социального государства. Напротив, он создал блокирующие механизмы («блокаторы»). Как справедливо отмечает Н.И. Лапин, в современной России утвердился корпоративно-олигархический и во мно-

гом компрадорский капитал, который стремится к неограниченному росту и, как следствие, – к сохранению неравенства и сворачиванию социальных обязательств [5, с. 7]. Это мешает выработке консенсуса по поводу введения в действие социального государства как конституционного принципа России. Отсюда автор делает вывод: если такие системные институты, как власть и бизнес, желают сохранить своё существование, то им придётся пойти на социальный компромисс с большинством населения [5, с. 8].

В-четвертых, в современной России слабо развиты традиции социальной демократии, благодаря которой во многих западных странах были достигнуты значительные успехи в построении социального государства. Не случайно В.К. Левашов приводит слова Р. Дарендорфа, который считал, что «в своих лучших возможностях XX век был социал-демократическим» [10, с. 35]. Именно социал-демократам принадлежит заслуга в развитии социального государства в условиях развитого капитализма. И я должен согласиться с теми коллегами, которые считают, что будущее российской государственности зависит во многом от того, сумеем ли мы осуществить на практике модель социал-демократического государства, преодолев сопротивление либерально ориентированной части правящего класса, и реализовать конституционный принцип «Россия – социальное государство».

И здесь нужно признать, что у социального государства в России имеются свои противники (в основном представители либерального крыла научной общественности), которые считают, что оно стоит на пути модернизации страны и что необходимо пересмотреть его основополагающие принципы в поисках оптимального соотношения свободы и регулирующей роли государства [12]. Наиболее же радикальные авторы (Ю. Кузнецов) вообще считают его угрозой существования России, призывая к демонтажу институтов социальной поддержки населения. Имеются также те, кто предлагает так называемую субсидиарную модель социальной политики государства, при которой социальные гарантии обеспечиваются по остаточному принципу и лишь в той мере, в которой это оказывается не по силам самим гражданам [13]. Очевидно, что такая идеология, которую иногда называют идеологией «первобытного либерализма», в случае её поддержки на верхних этажах власти может поставить страну на грань социальной катастрофы².

И всё же у России остаётся еще перспектива перехода к государству всеобщего благоденствия или к его расширенному варианту – обществу всеобщего благосостояния, которое

«...предусматривает значительное расширение сети добровольных общественных и коммунальных институтов, реализующих социальные услуги», о чем пишет Н.И. Лапин [5, с. 9]. То есть речь идет о необходимости установления тесного союза между социальным государством и гражданским обществом как самоорганизующейся совокупностью людей, их ассоциаций, выстраивающих свои отношения с государством на паритетных началах и на основе принципа взаимодополнительности.

Кроме того, у правящей элиты, к которой принадлежат сверхбогатые люди, не готовые пока к компромиссному согласию, имеются реальные шансы восстановить прямое действие конституционного принципа, хотя бы ради самосохранения, и продолжить курс на модернизацию, используя, прежде всего, «внутренние ресурсы», в т.ч. механизмы сбалансирования доходов и расходов, а также достижения западноевропейских стран в области строительства социального государства [14, с. 5–9]. В послевоенный период там успешно реализуется план Маршалла, ориентированный на практическую реализацию социального рыночного хозяйства, названного впоследствии «немецким чудом». И всё это происходит на фоне демократических завоеваний, расширения социальных прав и гражданских свобод человека.

Но был ли у России исторический шанс пойти по другому пути, минуя капитализм? Ю. Хабермас считает, что такая перспектива была «в случае успеха проекта Горбачева» [8, с. 92–93]. Но этот проект социализма в отличие от социализма, реально сложившегося в России, должен был «...обеспечить общественное богатство и привнести политические свободы социально-государственных массовых демократий в радикальный плюрализм и автономные практические действия общества, заслуживающего называться фундаментально-демократическим» [8]. А это и называют обществом демократического социализма, которому соответствует государство социал-демократического типа.

Одну из главных причин неудачи в реализации проекта перестройки Хабермас видит в том, что не удалось провести полномасштабную реформу политической системы и искоренить бюрократическое господство номенклатуры. К сожалению, гласность не переросла в прозрачность и открытость, в плюрализм общественного мнения и широкое участие граждан в принятии решений. Как стало понятно позже, власть номенклатуры не утратила своего значения и в наши дни. В 1990-х и 2000-х гг. она полностью восстановила свои позиции. В результате победили именно её частные интересы, ей удалось

блокировать инициативу снизу и нейтрализовать политическую энергию масс.

Кто же реально выиграл в борьбе за новую Россию? Ответ очевиден: «крупная буржуазия и новая бюрократия, которая обслуживает квазилиберальные реформы и которая «обменяла» старые властные привилегии на собственность и доходы с собственности» [10, с. 45]. В проигрыше же остался весь российский народ, который был цинично обманут инициаторами «перестройки» и последующей «либерализации» и лишен значительной части социальных прав и собственности. Теперь же нам предлагают закрыть глаза на криминальное происхождение российского капитала и принять как должное новый социальный порядок, основанный на союзе крупного бизнеса и власти.

Пока непонятно, в каком направлении пойдет развитие социального государства в России. Ясно одно: корпоративно-олигархический капитализм, в который скатывается Россия, несовместим с идеей и практикой социального государства. Очень хочется надеяться, что такое государство будет постепенно эволюционировать в русле «демократического социализма» и «гуманистической траектории саморазвития». Общество реального гуманизма, о котором пишет Н.И. Лапин, с одной стороны, и демократический социализм, о котором размышлял Ю. Хабермас, с другой стороны, могут стать действенной альтернативой как социальному капитализму (социальные либералы, прогрессисты и их сторонники), так и рыночному или либеральному социализму, вобрав в себя положительный опыт обеих общественных систем. Возможно, в нём стоит искать «третий путь», а не в попытках прямой конвергенции двух систем или в создании «нового лейборизма».

Примечания

1. Как подчёркивает Н.А. Касавина, социальное государство, «в сущности, способствует реализации экзистенциально значимых потребностей человека и утверждает особые экзистенциальные ценности (жизнь, свобода, творчество)» (Касавина Н.А. Социальное государство: между гуманизмом и прагматизмом // Социологические исследования. 2018. № 10. С. 38).

2. Следует признать, что нынешняя российская власть, вводя новые непопулярные меры (изменение пенсионной реформы, рост налогов и пр.), продолжает испытывать терпение народа, становясь порой на путь саморазрушения и действуя зачастую иррационально (по принципу «чем хуже для людей, тем лучше для власти»).

Список литературы

1. Немецкая социология / Отв. ред. Р.П. Шпакова. СПб.: Наука, 2003. 562 с.

2. Кочеткова Л.Н. Теория социального государства Лоренца фон Штейна // *Философия и общество*. 2008. Выпуск № 3 (51). С. 69–79.
3. Штейн Л. Учение об управлении и право управления с сравнением литературы и законодательств Франции, Англии и Германии: Руководство, изд. Лоренцом Штейном, проф. Вен. ун-та, как основание его лекций / Пер. с нем., под ред. [и с предисл.] И.Е. Андреевского, орд. проф. С.-Петерб. ун-та. Санкт-Петербург: А.С. Гиероглифов, 1874. XIV, 594, X с. С. 57–60.
4. Гончаров П.К. Социальное государство: сущность и принципы // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Сер.: Политология. 2000. № 2. С. 46–59.
5. Лапин Н.И. Формирование социального государства – способ успешной эволюции общества // *Социологические исследования*. 2018. № 8. С. 3–11.
6. Кочеткова Л.Н. Актуальные проблемы социального государства в России (к 20-летию принятия Конституции РФ) // *Электронный научный журнал «ГосРег»*. 2013. № 2. URL: http://gosreg.amchs.ru/pdf/files/4number/articles4/Kochetkova_4.pdf
7. Касавина Н.А. Социальное государство: между гуманизмом и прагматизмом // *Социологические исследования*. 2018. № 10. С. 34–43.
8. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М.: АО «КАМІ», 1995. 250 с.
9. Лукашева Е.А. Социальное правовое государство // *Проблемы общей теории права и государства* / Под ред. В.С. Нерсесянца. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1999.
10. Левашов В.К. Социальное государство: исторический генезис и динамика становления в России // *Социологические исследования*. 2014. № 7. С. 32–46.
11. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: Учебник для вузов. 3-е изд. М.: Норма-ИНФРА, 2002.
12. Дашкевич В.В. Развитие идеи «социального государства» // *Гуманитарные и социальные науки*. 2010. № 4. С. 203–210.
13. Кузнецов Ю. Роковой выбор // *Отечественные записки*. 2003. № 3. С. 76.
14. Кочеткова Л.Н. Философский дискурс о социальном государстве // *Ценности и смыслы*. 2009. № 3. С. 6–15.

TRANSFORMATION OF THE WELFARE STATE: FROM IDEAL TO NEW PRACTICAL FORMS

Yu.M. Reznik

Institute of Philosophy, RAS (Moscow)

The social state appears as an instrument for smoothing out of conflicting class interests under capitalism, and in modern conditions continues to act as a form of its political self-correction. The ideas, principles and functions of such a state formulated by L. Stein are still relevant today. At the heart of its activities is the protection of the majority's interests, ensuring their social rights through the redistribution of property and income in favor of the poor. Trying to resolve the most acute class contradictions, the social state goes through several stages in its development: from the minimalist model to the welfare state and further to the search for new models. This path has already been taken by the states of Western Europe, which in the name of strengthening their own security have significantly expanded the range of social services, by implementing in addition to the restrictive and guaranteeing functions also a reflexive function. However, the humanistic potential of such a state (creating conditions for human development and people's decent life) has not yet been fully realized, as evidenced by the processes of its formation in modern Russia. Experience shows that such a state, being a class compromise, develops successfully only on the basis of civil society institutions, which involve people in various forms of self-organization. In addition, the Russian state faces another complex task: the introduction of direct action of the relevant constitutional principle, the development of social democracy and the stimulation of large businesses to participate more extensively in social support programs.

Thus, there is a significant distance between the ideal of a social state (free development of a person) and the reality of its implementation (ensuring the exact minimum). It is not always possible to overcome this gap through social reforms. Therefore, the modern social state is experiencing an acute crisis. More radical steps are required to restructure society and overcome the socio-economic inequalities between different groups of population. Under these conditions, global capitalism faced a historical choice: to continue its "victorious" march around the planet, strengthening the repressive direction of its institutions and generating a chain of destructive consequences, or to take the path of fundamental restructuring of the foundations of its existence. This can lead, in turn, to the change of the social structure and the turn in the direction of the welfare society or real humanism.

Keywords: capitalism, social state, idea, ideal, principle, functions, practice, social problem, social reform, real humanism, welfare state, humanistic state.